

## КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

**М. В. Крюков**

### КИТАЙСКИЕ УЧЕНЫЕ О ТАКСОНОМИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

Одним из основных положений современной теории этноса является представление о том, что этнические общности имеют, как правило, сложную иерархическую структуру. «Народы — это как бы основные единицы этнической классификации человечества,— писал по этому поводу Н. Н. Чебоксаров,— наряду с которыми можно выделять этнические общности таксономически более высокого и более низкого порядка<sup>1</sup>». Весьма симптоматично, что, обобщая теоретические исследования, осуществленные в КНР за последние десятилетия, известный китайский этнограф Фэй Сяотун высказал недавно мысль о существовании трех уровней таксономической классификации народов Китая: 1) «чжунхуа миньцзу» (букв. «китайский народ» — термин, употребляемый в современной китайской литературе для обозначения совокупности всех этнических общностей на территории Китая); 2) «миньцзу» — китайцы, тибетцы, монголы и другие народы, общее число которых принимается в настоящее время равным 56; 3) «миньцзу чжиси» — обладающие определенной спецификой подразделения некоторых из этих народов (канба и аньдо — в составе тибетцев, красные и синие мяо и т. д.)<sup>2</sup>.

Китайские этнографы впервые вплотную столкнулись с теоретическими проблемами таксономии этнических общностей в начале 1950-х годов, когда в КНР развернулась работа по определению этнического состава населения страны. Эти исследования в известной мере опирались на предшествующий эмпирический опыт. Известно, что уже в китайских исторических и географических сочинениях XVIII—XIX вв. можно обнаружить попытки не только охарактеризовать этническую специфику народов Китая, но и выделить внутри их этнические подразделения, а также сгруппировать народы по признаку их генетического родства<sup>3</sup>. К проблеме классификации народов Китая в конце XIX — начале XX в. в той или иной мере обращались европейские и американские ученые, проводившие в то время полевые этнографические исследования в различных районах Китая. Пользуясь в основном этими данными, М. И. Казанин осуществил в 1933 г. первый опыт обобщающей характеристики этнического состава населения Китая<sup>4</sup>. По мере развертывания китайскими этнографами в 1930—1940-х годах экспедиционной работы по изучению некоторых групп национальных меньшинств Китая предлагались новые варианты этнической классификации населения ряда районов страны. Этот процесс можно, в частности, отчетливо проследить на примере провинции Юньнань — одного из самых сложных по своему этническому составу регионов Китая<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Сов. этнография. 1967. № 4. С. 96.

<sup>2</sup> Фэй Сяотун. О понятии «этнос» // Миньцзу туаньцзе. 1986. № 6. С. 7 (эта и все упоминаемые ниже работы китайских авторов, кроме специально оговоренных, — на кит. яз.).

<sup>3</sup> Конкретный материал см.: Ю Чжун. Древние народы юго-запада Китая. Куньмин, 1979.

<sup>4</sup> Казанин М. И. Национальный состав Китая // Проблемы Китая, II, 1933.

<sup>5</sup> См. Чжэн Мин. Об аборигенных народах окраин Юньнани // Синь чжунхуа. 1935. Т. 3. № 10; Ван Цзецин. Изучение народов Юньнани // Чжуншань вэньхуагуань цзикань.

Начавшиеся в начале 1950-х годов систематические исследования, имевшие своей целью ответить на вопрос, сколько же народов населяет КНР и что представляют из себя эти народы, по своим масштабам были совершенно несопоставимы со всем, что в этой области было сделано ранее<sup>6</sup>. Еще более существенным было то, что работа по изучению этнического состава КНР осуществлялась на принципиально иной, чем прежде, методологической основе: это был период активного изучения китайскими этнографами старшего поколения марксистской теории и применения ее к конкретным проблемам этнического развития своей страны.

В центре внимания китайских ученых в те годы естественно оказалось понятие «этнос». Характерной особенностью определений этого понятия, имевших хождение в китайской науке 1930—1940-х годов, было, помимо всего прочего, недостаточно четкое противопоставление этноса и расы. Одним из первых на необходимость разграничить эти две научные категории со всей определенностью указал Ци Сыхэ<sup>7</sup>. Но в 1942 г. Ло Чанпэй по-прежнему писал: «В принципе классификация этноса должна строиться на материале трех видов — физический тип, культура, язык»<sup>8</sup>.

В 1950-х годах в основу методики изучения этнического состава населения Китая было положено известное сталинское определение нации. Оценивая результаты этой работы на первом ее этапе, Линь Яохуа писал: «Этнос — историческая категория, он порождается конкретными историческими условиями. Четыре признака, сформулированные Сталиным, имеют отношение к нациям эпохи поднимающегося капитализма. Однако эти признаки не упали с неба, они сложились еще на докапиталистическом этапе развития. Поэтому при разграничении общностей людей докапиталистической стадии также необходимо исходить из четырех указанных признаков. Обращаясь к специфике Китая и конкретным особенностям народов Китая, нельзя не видеть, что до освобождения большинство из них все еще находилось на докапиталистической стадии, а перечисленные выше признаки — в процессе своего формирования. Поэтому в работе по определению этнического состава населения нельзя было применять эту формулировку догматически, без учета своеобразия ее проявления. Необходимо было прибегнуть к методу конкретного анализа конкретных проблем»<sup>9</sup>. Таким образом, элементы критического отношения китайских этнографов к сталинской концепции объяснялись не осознанием ее органических недостатков, а лишь тем обстоятельством, что она недостаточно учитывала специфику китайской действительности.

На первом месте в этом определении стоит, как известно, общность языка. Не случайно, по-видимому, ряд китайских ученых разделяет точку зрения, согласно которой язык — главный признак этноса<sup>10</sup>, а лингвистические обследования должны быть основной составной частью работы по определению этнического состава населения<sup>11</sup>. Исходная позиция в данном случае заключается в том, что этнические границы в основном совпадают с лингвистическими и поэтому соотношение между группой родственных народов, этносом и субэтносом совпадает с иерархией группы родственных языков, языка и диалекта. Однако в понимании сущности этого совпадения обрисовываются две различные позиции.

Ма Сюэлян и Дай Цинся опубликовали в начале 1980-х годов две статьи, посвященные проблемам соотношения этноса и языка. Смысл первой из них сводится к утверждению необходимости изучать этнос через призму языка (эту специфическую область человеческого знания авторы предлагают называть «лингвоэтнографией»). Значение такого рода исследований демонстрируется в данном случае на примере народа хани: проведя сопоставительный анализ нескольких сравнительно немногочисленных групп, обычно рассматриваемых в качестве субэтносов, «мы с помощью линг-

1936. Т. 4. № 3; Лин Чуньшэн. Географическое расселение народов Юньнани//Дили сюэбао. 1936. Т. 3. № 3; Чжан Фэнци. Строительство в окраинных районах Юго-Запада и этнографические исследования//Шиши юэбао. 1937. Т. 17. № 1; Тао Юнькуй. Современное расселение некоторых аборигенных народов Юньнани и оценка их численности//Линш юйянь яньцзюэ цзикань. 1938. Т. 7. № 4; Ло Чанпэй. О классификации народов Юньнани с точки зрения их языка//Бяньчжэн гундунь. 1942. Т. 1. № 7—8 и др.

<sup>6</sup> См об этом: Линь Яохуа. Некоторые насущные проблемы, стоящие перед китайскими этнографами в связи с разрешением национального вопроса в Китайской Народной Республике//Сов. этнография. 1956. № 3. С. 79—91.

<sup>7</sup> Ци Сыхэ. Этнос и раса//Юйгун баньюэкань. 1937. Т. 7. № 1—3.

<sup>8</sup> Ло Чанпэй. Указ. раб.

<sup>9</sup> Линь Яохуа. Определение этнического состава населения юго-запада Китая//Юньнань шэхой кэсюэ. 1984. № 2. С. 2.

<sup>10</sup> Ма Сюэлян, Дай Цинся. Язык и этнос//Миныйцу яньцзю. 1983. № 1. С. 9.

<sup>11</sup> Сюй Чжисэн. Лингвистические обследования в работе по определению этнического состава населения//Гуйчжоу миныйцу яньцзю. 1983. № 3. С. 178.

вистических методов можем доказать, что эти имеющие различные наименования группы входят в состав хани»<sup>12</sup>.

Вторая статья Ма Сюэляна и Дай Цинся посвящена обратной процедуре — изучению языка через призму этноса (этим, по мнению авторов, должна заниматься «этнолингвистика»). Вывод, сформулированный авторами, гласит: «Определить, с чем мы имеем дело — с языком или с диалектом, — можно, в основном лишь учитывая структуру соответствующего этноса; лингвистические аргументы не являются в этом отношении решающими»<sup>13</sup>.

Среди китайских ученых есть сторонники как первого, так и второго подхода к проблеме соотношения этноса и языка. В сущности на первой точке зрения стоял в свое время Тао Юнькуй, утверждавший, что «классификация этносов на основании критерия языка фактически представляет собой классификацию языков. Этнограф попросту берет результаты исследования лингвиста и использует их применительно к своим проблемам, не более того»<sup>14</sup>. Близко к этому мнение Ло Чанпэя: «Если исторические факты не противоречат полученным выводам и если географическое рассредоточение не привело к дезинтеграции племен, то допустимо рассматривать единство языка как доказательство этнического единства»<sup>15</sup>. Мао Цзунъю, Мэн Чаоцзи и Чжэн Цзунцзэ, характеризуя различия между диалектами группы буну (ну), считают, что «они уже почти достигли уровня самостоятельных языков»<sup>16</sup>. Но это значит, что лингвист располагает какими-то объективными основаниями для самостоятельного суждения о критериях разграничения языка и диалекта. И Сюй Чжисэнь формулирует их: «В общих чертах, различия между говорами невелики, они проявляются преимущественно в фонетике. Различия между диалектами более существенны; помимо значительных фонетических отклонений они отчасти затрагивают и лексику. Что же касается различий между родственными языками, то они еще более фундаментальны: это не только фонетические расхождения, но также большое количество несовпадающей лексики и, что еще важнее, различия в грамматическом строе и основном словарном фонде»<sup>17</sup>.

Наряду с этим есть среди китайских ученых и решительные сторонники противоположной точки зрения. «При разграничении близкородственных языков, — полагает, например, Чжоу Яовэнь, — необходимо исходить не только из степени различий между ними, но и из политических, экономических и культурно-исторических особенностей человеческих коллективов, говорящих на этих языках»<sup>18</sup>. По мнению Гай Синчжи, «как понимать соотношение между языком и диалектом, с помощью каких критериев различать их — это проблема не собственно лингвистическая, она имеет политический и историко-культурный аспект. Язык вовсе не отделен четким барьером от диалекта... Каких-то чисто лингвистических критериев для их разграничения не существует»<sup>19</sup>.

Если эти исследователи правы, то данные языка в сущности утрачивают значение для решения вопроса о вычленинии основных единиц этнической таксономии, ибо в этом случае лингвист говорит этнографу: «Скажите мне, где проходит граница между этносом и субэтносами, и лишь после этого я скажу вам, что есть язык этого этноса и что — диалекты, свойственные этим субэтносам». Нетрудно видеть, что при таком подходе к проблеме этнограф оказывается в прочном логическом кругу: он пытается определить *А* через *Б*, которое в свою очередь выводится из *А*.

Возникает вопрос: располагает ли этнограф какими-то иными, помимо языка, критериями создания этнической классификации и выявления ее типологических уровней?

Линь Яохуа останавливается в этой связи на характеристике трех остальных признаков из числа упоминаемых в определении нации. Он утверждает, что «общность территории — основа формирования этноса и в то же время один из критериев разграничения народов»<sup>20</sup>. Однако пример, приведенный автором для доказательства данного

<sup>12</sup> Ма Сюэлян, Дай Цинся. О «лингвоэтнографии» // Миньцзусюэ яньцзю. 1981. Т. 1. С. 216.

<sup>13</sup> Ма Сюэлян, Дай Цинся. Язык и этнос. С. 13.

<sup>14</sup> Тао Юнькуй. Указ. раб. С. 422.

<sup>15</sup> Ло Чанпэй. Указ. раб. С. 213.

<sup>16</sup> Мао Цзунъю, Мэн Чаоцзи, Чжэн Цзунцзэ. Краткий очерк языков яо. Пекин, 1982. С. 117.

<sup>17</sup> Сюй Чжисэнь. Указ. раб. С. 187.

<sup>18</sup> Чжоу Яовэнь. Как разграничивать близкородственные языки? // Сборник статей по языкам национальных меньшинств. Пекин, 1958. Т. 1. С. 48—49.

<sup>19</sup> Гай Синчжи. Предварительное исследование языков группы мянь-и // Миньцзусюэбао. 1982. № 2. С. 213.

<sup>20</sup> Линь Яохуа. Определение этнического состава населения юго-запада Китая. С. 2.

тезиса, на мой взгляд, бьет мимо цели. Народ бэнлун, пишет Линь Яохуа, представлен в Юньнани многочисленными этнографическими группами, которые помимо этого живут также и в Индокитае. Они расселены чересполосно с тай в долинах и цзинпо в горных районах, и тем не менее сохранили свои собственные общезнающие особенности<sup>21</sup>. Но это значит, что территория расселения как раз и не может использоваться здесь как критерий для разграничения народов бэнлун, тай и цзинпо.

В принципе то же можно сказать и о приводимом далее Линь Яохуа признаке общности экономической жизни, поскольку он признает: «В процессе определения этнического состава населения экономическое единство было выявлено достаточно отчетливо отнюдь не в каждом национальном районе»<sup>22</sup>. Следует сказать более определенно: экономические связи функционируют у малых народов Китая не на этническом, а на межэтническом уровне, они не противопоставляют и не разграничивают отдельные народы, а, напротив, связывают их по чисто территориальному принципу.

Иначе обстоит дело с тем, что в определении нации названо «общностью психического склада». Этот признак за последние годы привлекает все более пристальное внимание китайских этнографов. Ян Кунь еще в 1955 г. высказывал мысль о том, что этот признак этноса является наиболее важным<sup>23</sup>. При этом содержание его толкуется сейчас в значительной мере иначе, чем раньше. Фэй Сяотун подчеркивает, что речь идет в данном случае о «признании людьми данного народа факта принадлежности к одной общности»<sup>24</sup> Пэн Инмин — об «этническом сознании»<sup>25</sup>, Гу Сюэцин — о «сознании принадлежности к этносу»<sup>26</sup>. Отмечается, что такое понимание данного признака этноса фактически совпадает с содержанием, вкладываемым советскими учеными в понятие «этническое самосознание»<sup>27</sup>. Кстати говоря, сам этот термин постепенно начинает использоваться и китайскими этнографами<sup>28</sup>.

Многие авторы признают, что значение этого признака этноса в китайской науке раньше недооценивалось. «Мы еще недостаточно глубоко и всесторонне осознали сущность данного признака. Поэтому в нашей работе было так, что мы обращали внимание на „особенности“ этноса в сфере обычаев и привычек, образа жизни и религиозных обрядов и забывали об этническом сознании», — писал Фэй Сяотун<sup>29</sup>. «На протяжении длительного времени, — отмечает Пэн Инмин, мы в своих этнографических исследованиях зачастую обращали внимание на „четыре признака“ нации, но упускали из виду важнейшую черту этноса — его устойчивость», обеспечиваемую функционированием этнического самосознания<sup>30</sup>.

Принципиальное значение имеет вывод, к которому пришли китайские этнографы: общность психического склада этноса (читай: этническое самосознание) возникает как отражение объективных свойств этноса, в том числе и языка, и поэтому завершение формирования этого этнического признака означает в то же самое время и завершение складывания этноса<sup>31</sup>. Соответственно, это и самый устойчивый из всех признаков этноса: «этническое сознание является отражением... „четырёх признаков“ этноса — его языка, территории, экономической жизни и форм культуры, которые являются предпосылкой и условием появления и развития этнического сознания; однако этническое сознание вместе с тем обладает самостоятельностью и устойчивостью; раз возникнув, оно может существовать длительное время; даже если язык, территория и экономическая жизнь этноса претерпели изменения, сознание... может сохраняться и не исчезать без серьезных на то оснований»<sup>32</sup>. Поэтому в процессе дезинтеграции этноса и последовательной утраты им своих признаков этническое самосознание исчеза-

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> Там же. С. 3.

<sup>23</sup> Ян Кунь. Этнос и этнография. Чэнду. 1983. С. 8.

<sup>24</sup> Фэй Сяотун. Об идентификации этнических общностей//Чжунго шэхой кэсюэ. 1980. № 1.

<sup>25</sup> Пэн Инмин. Об устойчивости этноса//Чжуннань миньцзу сюэюань сюэбао. 1981. № 1. С. 80.

<sup>26</sup> Гу Сюэцин. Роль общности психического склада в разграничении этнических общностей//Чжуннань миньцзу сюэюань сюэбао. 1984. № 1. С. 104.

<sup>27</sup> Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 173.

<sup>28</sup> Хэ Шутао. Этническое самосознание в период социализма//Миньцзу яньцзю. 1984. № 2.

<sup>29</sup> Фэй Сяотун. Об идентификации этнических общностей. С. 155.

<sup>30</sup> Пэн Инмин. Указ. раб. С. 76.

<sup>31</sup> Гу Сюэцин. Указ. раб. С. 103.

<sup>32</sup> Пэн Инмин. Указ. раб. С. 82.

ет в последнюю очередь<sup>33</sup>; «исчезновение его происходит в момент, когда дни этноса уже сочтены»<sup>34</sup>. Все эти идеи непосредственно перекликаются с суждениями советских ученых о том, что качественные сдвиги в этническом самосознании совпадают с «критическими точками» в процессе возникновения, развития и гибели этноса<sup>35</sup>.

Такое понимание сущности этнических признаков и их взаимосвязи не позволяет согласиться с рядом положений тех авторов, которые стоят на позициях «изучения языка через призму этноса». Так, Ма Сюэлян и Дай Цинся полагают, что «изменения языка протекают медленнее, чем изменения этноса»<sup>36</sup> и поэтому возможны такие ситуации, когда «некогда единый этнос разделился на части, а язык еще не успел претерпеть соответствующих изменений» и, наоборот, «в результате слияния двух этносов возник новый народ, но языки этих этносов все еще существуют как самостоятельные единицы»<sup>37</sup>. И далее: «Формирование этноса — предварительное условие возникновения языка. Единый язык этноса может возникнуть только после того, как возникла сама этническая общность»<sup>38</sup>.

Аналогичная точка зрения раньше высказывалась и в советской научной литературе. Последователи «нового учения о языке» в свое время сформулировали тезис о том, что «раньше должен оформиться народ, для того чтобы мог оформиться его язык. Оформление такого языка могло идти параллельно становлению народа, но не могло ему предшествовать»<sup>39</sup>. Между тем разработка современной теории этноса и этнического самосознания как важнейшего признака такого типа общностей свидетельствует как раз об обратном. Процесс формирования этноса завершается с оформлением его самосознания, возникающего как отражение всех объективных свойств этнической общности (в том числе и языка). Не случайно и ряд китайских исследователей признают сегодня, что общее этническое самосознание не может возникнуть без общего языка<sup>40</sup>.

Последний тезис сторонников «изучения этноса через призму языка» заслуживает пристального внимания. Функции языка как этнического признака заключаются в обеспечении коммуникативных связей внутри этноса. С этой точки зрения «пользуется ли этнос своим собственным языком или языком, заимствованным у другого народа, — это второстепенный вопрос»<sup>41</sup>. Поэтому возможны (и фактически зафиксированы) случаи, когда различные народы говорят на одном и том же языке. Иначе обстоит дело в тех случаях (обычно приводимых сторонниками «изучения языка через призму этноса» в качестве доказательства недостаточности собственно лингвистических средств для определения границ этноса), когда субэтнические подразделения одного народа говорят на различных языках. Некоторые из приводимых ими примеров явно неубедительны. Так, если монголы Внутренней Монголии используют в качестве родного языка монгольский, а монголы Юньнани — ицзу или китайский, то это свидетельствует лишь о том, что небольшая группа монголов, осевшая в Юньнани после завоевательных войн Хубилая, давно уже оторвалась от своего основного этнического массива и значительно продвинулась по пути ассимиляции, о чем как раз и говорит переход ее на язык численно преобладающего этнического окружения.

Гораздо более серьезным может на первый взгляд показаться другой пример. Яо говорят на трех совершенно разных языках — мянь (относимом китайскими лингвистами к группе языков яо), буну (группа языков мяо) и лаккья (группа кам-суй тайских языков)<sup>42</sup>. Но действительно ли это свидетельствует о несовпадении лингвистических и этнических границ? Каким образом у яо могли сложиться черты общности психического склада и единое самосознание, если известно, что в ответ на попытку яо-мянь объясниться на своем языке с яо-юньен, живущим неподалеку, собеседник лишь «широко открывает глаза и не может понять ни слова»?<sup>43</sup> Нельзя ли подойти

<sup>33</sup> Гу Сюэцзинь. Указ. раб. С. 103.

<sup>34</sup> Сюн Сиюань. Коротко о единстве психического склада нации//Миньцзу яньцзю. 1983. № 4. С. 7.

<sup>35</sup> Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза//Расы и народы. 6. 1976. С. 58; Бромлей Ю. В. Указ. раб. С. 281; Волкова И. Г. Этническая история: содержание понятия//Сов. этнография. 1985. № 5. С. 23.

<sup>36</sup> Ма Сюэлян, Дай Цинся. Язык и этнос. С. 9.

<sup>37</sup> Там же.

<sup>38</sup> Там же. С. 12.

<sup>39</sup> Мещанинов И. И. Новое в учении о языке//Большевик. 1945. № 13. С. 41.

<sup>40</sup> Сюй Чжисэнь. Указ. раб. С. 188.

<sup>41</sup> Линь Яохуа. Определение этнического состава населения юго-запада Китая. С. 2.

<sup>42</sup> Ма Сюэлян, Дай Цинся. Язык и этнос. С. 9.

<sup>43</sup> Ло Цзигуан. Языки гуансийских яо//Чжунго юйвэнь. 1953. Март. С. 33.

# Классификация диалектов мяо

| Диалект                                    | Субдиалект   | Говор                                                     |
|--------------------------------------------|--------------|-----------------------------------------------------------|
| I. Восточный («казшон»)                    | 1. Восточный | А. Южный<br>Б. Центральный<br>В. Северный                 |
|                                            | 2. Западный  | А. Восточный<br>Б. Западный                               |
| II. Центральный («хму»)                    | 1. Северный  | А. Северный<br>Б. Центральный<br>В. Южный<br>Г. Восточный |
|                                            | 2. Южный     |                                                           |
| III. Западный («хмон»)                     | 1. Первый    | А. Первый<br>Б. Второй                                    |
|                                            | 2. Второй    |                                                           |
| IV. Северо-восточно-юнь-наньский («ахмау») |              |                                                           |
| V. Южно-центрально-гуйчжоуские             |              |                                                           |

к объяснению данной ситуации с другого конца и предположить, что говорящие на различных языках яо вообще не являются единым этносом? Ведь не случайно же даже Ма Сюэлян и Дай Цинся, утверждая, что «различия в языке одного и того же народа, как бы они ни были значительны, все же воспринимаются как свойственные различным диалектам одного и того же языка», тем не менее признают возможным функционирование языка как внутриэтнического коммуникативного механизма только в том случае, если эти различия не превышают «определенных пределов»<sup>44</sup>.

Каковы же эти пределы? Представляется, что некоторые китайские лингвисты вплотную подошли к определению верхнего предела различий в языке одного народа. Еще в 1956 г. на научной конференции в г. Гуйяне, посвященной проблемам языка и письменности мяо, в докладе Второй экспедиции АН КНР по изучению языков национальных меньшинств термин «говор» употреблялся для характеристики ситуаций, когда различия, проявляющиеся только в фонетике, не препятствуют взаимопониманию, а «субдиалект» — когда носители одного диалекта не могут полностью понимать друг друга<sup>45</sup>.

Разумеется, степень взаимопонимания представляет собой некий континуум, изменения в котором происходят постепенно. Так, характеризую лингвистическую ситуацию у мяо, авторы монографии о языках мяо-яо писали: «Мяо — выходцы из разных диалектных районов не могут общаться между собой на своем языке. Они с трудом достигают взаимопонимания даже после того, как длительное время проживают совместно. Когда мяо из субдиалектных районов чуаньцзяньдяньского диалекта впервые сталкиваются друг с другом, они также не могут разговаривать между собой на своих субдиалектах... однако общение становится возможным после более или менее длительного совместного проживания. Что же касается говоров... то хотя люди, пользующиеся ими, в первый момент испытывают некоторые затруднения, но через непродолжительное время уже могут общаться друг с другом»<sup>46</sup>.

<sup>44</sup> Ма Сюэлян, Дай Цинся. Язык и этнос. С. 14.

<sup>45</sup> Проблемы разграничения диалектов мяо и создания мяоской письменности. Гуйян, 1956.

<sup>46</sup> Краткий очерк языков национальных меньшинств Китая. Языки мяо-яо. Пекин, 1959. С. 3.

Выясняется, что указанная градация степени взаимопонимания может быть выражена в исчисляемых единицах, например в процентном соотношении общей лексики. Обратимся к одному из вариантов классификации диалектов мяо (см. табл. на с. 149) <sup>47</sup>.

Доля общей лексики в диалектах мяо в среднем равна 35,7%:

|       | I | II   | III  | IV   |
|-------|---|------|------|------|
| I —   | — | 41,8 | 28,6 | 24,4 |
| II —  | — | —    | 34,4 | 30,1 |
| III — | — | —    | —    | 54,9 |
| IV —  | — | —    | —    | —    |

Тот же показатель на уровне субдиалектов составляет в среднем 62,7%:

| I |   |      | II |   |      | III |   |      |
|---|---|------|----|---|------|-----|---|------|
| 1 | 1 | 2    | 1  | 1 | 2    | 1   | 1 | 2    |
| 2 | — | 64,2 | 2  | — | 60,8 | 2   | — | 63,2 |
| 2 | — | —    | 2  | — | —    | 2   | — | —    |

Наконец, говоры имеют в среднем по 80,3% общей лексики:

| I—I |   |      |      | I—2 |   |      |
|-----|---|------|------|-----|---|------|
|     | А | Б    | В    |     | А | Б    |
| А   | — | 80,8 | 81,0 | А   | — | 93,9 |
| Б   | — | —    |      | Б   | — |      |
| В   | — | —    |      |     |   |      |

  

| II—I |   |      |      |      | III—I |   |      |
|------|---|------|------|------|-------|---|------|
|      | А | Б    | В    | Г    |       | А | Б    |
| А    | — | 81,6 | 73,7 | 72,7 | А     | — | 78,5 |
| Б    | — | —    | —    | —    | Б     | — |      |
| В    | — | —    | —    | —    |       |   |      |
| Г    | — | —    | —    | —    |       |   |      |

Где же проходит та грань, за которой, говоря словами Сюй Чжисэня, «количественные изменения переходят в качественные»? <sup>48</sup> На примере мяо можно видеть, что максимальный уровень различий в лексике, при котором, несмотря на затруднения, все же возможно взаимопонимание как условие, обеспечивающее непосредственное общение членов этнической общности, составляет примерно 50%. Для общей лексики, представленной в «диалектах» мяо (35,7%), заведомо недостаточна для поддержания внутри-этнической коммуникации, но тот же показатель «субдиалектов» удовлетворяет этому требованию. Тем самым подтверждается вывод о том, что «квалификация трех (иногда четырех) основных разновидностей языков мяо как диалектов единого языка мяо представляется спорной. Генетически эти диалекты мяо, конечно, тесно связаны между собой. Однако они функционируют в настоящее время подобно вполне самостоятельным языкам» <sup>49</sup>.

Аналогичная картина обнаруживается при рассмотрении соотношения «диалектов» языка буну (ну), относимого к группе мяо. Для этого мы можем воспользоваться данными, опубликованными Чжан Цзымином, Сюй Чжисэнем и Ли Цзюэвэем. Они обследовали лексику цяньюйского (I) (в трех локальных вариантах) и гуйчжоуского (II) «диалектов» буну <sup>50</sup>.

<sup>47</sup> Проблемы разграничения диалектов мяо и создания мяоской письменности. С. 3—5.

<sup>48</sup> Сюй Чжисэнь. Указ. раб. С. 187.

<sup>49</sup> Москалев А. А. Язык дуаньских яо (язык ну). М., 1978. С. 17.

<sup>50</sup> Чжан Цзыминь, Сюй Чжисэнь, Ли Цзюэвэй. Язык гуйчжоуских яо//Гуйчжоу миньцзю яньцзю. 1983. № 3. С. 198—199.

| I  |   |   |      | II   |      |
|----|---|---|------|------|------|
|    | 1 | 2 | 3    |      |      |
| I  | 1 | — | 52,6 | 64,0 | 40,7 |
|    | 2 | — | —    | 63,4 | 35,6 |
|    | 3 | — | —    | —    | 41,9 |
| II | — | — | —    | —    |      |

Здесь доля общей лексики двух «диалектов» равна в среднем 39,4% (тот же показатель для трех вариантов цянгуйского «диалекта» — 60,0%), а это означает, что «выделенные китайскими языковедами пять диалектов группы ну (все они бесписьменные) по существу функционируют подобно вполне самостоятельным языкам»<sup>51</sup>. Это мнение, судя по всему, высказывалось и раньше, потому что авторы монографии о языках мяо-яо стремятся опровергнуть его. «Можно предвидеть,— пишут они,— что в будущем расхождения между диалектами не будут углубляться, а черт их сходства, напротив, будет с каждым днем все больше. Если мы концентрируем внимание на различиях между диалектами, сложившихся в прошлом, и не учитываем тенденцию развития, то это безусловная ошибка»<sup>52</sup>. Трудно согласиться с такой точкой зрения. Разумеется, не исключено, что в будущем действительно будет происходить процесс сближения языков буну; мы, однако, говорим сейчас о классификации языков народов Китая в том виде, в каком они сложились к настоящему времени.

Для сравнения укажем, что лексические сходжения между тремя основными диалектами языка ли на о. Хайнань, по данным Оуян Цзюэя и Чжан Ицина<sup>53</sup>, составляют 73,6%, т. е. их уровень гораздо выше критического рубежа взаимопонимаемости, и поэтому квалификация разновидностей языка ли как диалектов вполне оправдана. Это соответствует и зафиксированному авторами монографии факту: люди, говорящие на этих диалектах, «не испытывают значительных затруднений во взаимном общении»<sup>54</sup>.

Обратим в связи с этим внимание на следующее важное обстоятельство. Как это неоднократно подчеркивается китайскими языковедами, «разграничение диалектов во многих языках национальных меньшинств Китая тесно связано с субэтническими подразделениями, причем границы тех и других зачастую совпадают»<sup>55</sup>. Характеризуя ясные «диалекты» группы мяен, Мао Цзунъю, Мэн Чаоцзи и Чжэн Цзунцзэ отмечают, что они выделяются не по территориальному признаку, а в соответствии с этническими самоназваниями<sup>56</sup>.

К сожалению, в прошлом в китайской этнографической науке не уделялось достаточного внимания изучению этнических самоназваний. Более того, многие авторы прямо предостерегали от переоценки их роли: «Что касается людей, говорящих на одном языке, хотя и живущих на разных территориях, использующих разные диалекты и имеющих различные самоназвания, то при наличии общности политических, экономических и культурных особенностей нельзя только на основании самоназваний членить единый язык»<sup>57</sup>. Как видим, здесь сторонники «изучения языка через призму этноса» вступают в противоречие со своей собственной концепцией, отказываясь от всестороннего учета ведущего этнического признака — самосознания этноса, проявляющегося в его самоназвании. Гораздо более убедительной представляется позиция тех лингвистов, которые признают «исключительно важное значение самоназваний народов в работе по определению этнического состава населения»<sup>58</sup>. Некоторые этнографы идут еще дальше. Ян Кунь, например, уверен, что эту работу «вообще нужно начинать с выявления этнических самоназваний»<sup>59</sup>.

<sup>51</sup> Москалев А. А. Указ. раб. С. 13.

<sup>52</sup> Краткий очерк языков национальных меньшинств Китая. С. 97.

<sup>53</sup> Оуян Цзюэя, Чжан Ицин. Краткий очерк языка ли. Пекин, 1980. С. 98.

<sup>54</sup> Там же. С. 88.

<sup>55</sup> Ма Сюэлян, Дай Цинся. Язык и этнос. С. 12.

<sup>56</sup> Мао Цзунъю, Мэн Чаоцзи, Чжэн Цзунцзэ. Указ. раб. С. 71.

<sup>57</sup> Чжоу Яовэнь. Указ. раб. С. 50—51.

<sup>58</sup> Сюй Чжисэнь. Указ. раб. С. 180.

<sup>59</sup> Ян Кунь. Этноты и субэтнические подразделения//Чжунъян миньцзу сюэюань сюэбао. 1984. № 4. С. 87.

Но зададимся вопросом: что же представляет собой обладающая самоназванием этническая общность в условиях, когда подразделения более низкого и более высокого уровня таких самоназваний не имеют? Это, несомненно, основная единица этнической таксономии — этнос, народ. И поэтому отнюдь не случайно, что самоназвания имеют те группы, в языке которых межгрупповые различия превышают рубеж 50% всей лексики. Именно так обстоит дело с упоминавшимися выше «диалектами» (языками) мяо и буну; вполне четкая корреляция между долей общей лексики и наличием самоназваний прослеживается и у мяо южной части Гуйчжоу<sup>60</sup>:

| Самоназвание группы | 1 | 2    | 3    | 4    |
|---------------------|---|------|------|------|
| 1 Камэ              | — | 48,5 | 46,0 | 39,0 |
| 2 Хмонг             | — | —    | 44,2 | 41,6 |
| 3 Мханг             | — | —    | —    | 43,9 |
| 4 Ахмоз             | — | —    | —    | —    |

Речь идет здесь, разумеется, о самоназваниях, а не об экзоэтнонимах, т. е. наименованиях, данных со стороны. Последние в принципе не имеют отношения к сфере выражения этнического самосознания. Более того, экзоэтнонимы сплошь и рядом неадекватно отражают реальные этнические границы, ошибочно объединяя народы, которые сами по себе четко осознают себя самостоятельными общностями. Примером такого рода могут быть лоба, проживающие в юго-восточной части Тибета<sup>61</sup>. Лоба по-тибетски означает «южанин», но общность, фигурирующая под этим экзоэтнонимом, не имеет общего самоназвания и состоит из нескольких подразделений, называющих себя по-разному — богар, нинбо, иду и др. При этом доля общей лексики в языке богар и иду составляет 14,0%<sup>62</sup>. Это означает, что богар и иду не только не диалекты одного языка (в диалектах тибетского языка, например, совпадает около 80% слов<sup>63</sup>), но даже не близкородственные языки.

Особый случай возникновения экзоэтнонимов — искусственное распространение самоназвания народа на близкородственные ему этнические общности, имеющие иные самоназвания. В качестве самостоятельного народа китайские этнографы выделяют сейчас общность, называемую по-китайски булан. Однако самоназвание «планг» распространено лишь у части этой общности в Сишуанбанна; в уездах Шуанцзян и Ланьцан булан называют себя «ава», «рик», «утир», а в уезде Юнда — «у»<sup>64</sup>. Ли Даюэн считает заслуживающим внимания то обстоятельство, что одно и то же самоназвание «ава» имеет, с одной стороны, подразделение булан, с другой — одна из групп близкородственного булан народа «ва»<sup>65</sup>; этот факт действительно немаловажен.

Пример булан не является исключением. Так, китайцы называют «мяо» одну из этнических групп населения о. Хайнань, но она имеет самоназвание «киммун», объединяющее ее с носителями одной из разновидностей языка яо (доля общей лексики в языке хайнаньских мяо и яо-мыен — 47,7%, хайнаньских мяо и мяо-хму из Кайли — лишь 16,8%<sup>66</sup>). С другой стороны, экзоэтноним «яо», восходящий к общему компоненту самоназваний этнических групп, говорящих на разновидностях языка мыен, начиная с позднего средневековья был распространен китайцами на народы, имеющие совершенно иные самоназвания — буну (в разных фонетических вариантах), ну мхоу, кьонгнай, лаккья и т. д. Авторы монографии «Краткая история яо» считают, что это не имеет существенного значения: «Правители прошлого использовали различия в этих наименованиях, чтобы искусственно создавать внутринэтнические противоречия и тем самым достичь своей цели „разделяй и властвуй“». Хотя самоназвания и экзоэтно-

<sup>60</sup> Проблемы разграничения диалектов мяо и создания мяоской письменности. С. 3—5.

<sup>61</sup> Национальные меньшинства Китая. Пекин, 1981. С. 283.

<sup>62</sup> *Сунь Хункай*. Общие сведения о языке лоба-иду//Миңыцу юйвэнь. 1983. № 6. С. 63.

<sup>63</sup> *Цюй Айтан*. Общие сведения о тибетском языке//Чжунго юйвэнь. 1963. № 6. С. 524—525.

<sup>64</sup> *Чжоу Чжичжи, Янь Цисян*. Общие сведения о языке булан//Миңыцу юйвэнь. 1983. № 2. С. 71.

<sup>65</sup> *Ли Даюэн*. Коротко о мон-кхмерских языках Китая//Юньнань миңыцу сюэбао. 1984. № 3. С. 54.

<sup>66</sup> *Янь Сюэцзюнь*. Пример изучения этнической истории на основе сочетания лингвистических и этнографических данных//Сб. статей по языкам национальных меньшинств. 1958. Т. 1. С. 47.

нимы подразделений яо различны и даже язык их имеет свои особенности, в процессе длительного исторического развития этот народ имел общие судьбы и единство психического склада, „яо“ всегда было его общим этническим наименованием, и он сложился в единую и неделимую этническую общность»<sup>67</sup>. Несмотря на весьма решительный тон этого утверждения, оно тем не менее не может считаться бесспорным хотя бы потому, что на языке лаккья, включаемых в единую общность яо, высказывание «Ты — яо? Он — яо» может быть выражено лишь в форме «Ма тук хуай тук лаккья? Лак ток лаккья?» («Ты — лаккья? Он — лаккья») <sup>68</sup>.

Недооценкой значения самоназваний объясняется и выдвигаемый некоторыми лингвистами тезис, будто бы различия между диалектами одного языка могут быть иногда более значительными, чем различия между одним из этих диалектов и другим близкородственным языком. Так, по мнению Ма Сюэляна и Дай Цинся, расхождения между северным и южным диалектами языка чжуан больше, чем между северным диалектом языка чжуан и языком буи<sup>69</sup>. Однако уместно в этой связи привести размышления Фэй Сяотуня о методах обследования народов Южного Китая в первые годы работы по определению этнического состава населения страны. «На том этапе, помнится, мы изучали каждый народ в отдельности... Хотя применение такого метода диктовалось конкретными потребностями того периода, он имел как достоинства, так и многочисленные недостатки, — вспоминал Фэй Сяотун в 1982 г. — В Гуйчжоу тогда был народ, называемый «чжунцзя». Сам он был против такого наименования, поэтому было принято название «буи». Говорили буи на чжуанском языке. После того как буи были официально признаны государством в качестве самостоятельного народа, делегация из центра прибыла в Гуанси и чжуан также были признаны самостоятельным национальным меньшинством. Так буи и чжуан, признанные в разное время, стали двумя народами. Я вовсе не хочу сказать, что они один народ, но причины того, почему они стали двумя народами, заслуживают внимания»<sup>70</sup>.

Действительно, экзоэтноним «буи», восходящий к самоназванию «буай», оказался распространённым и на другие близкородственные этнические группы с самоназваниями «бучжун», «бурао», «бутай» и т. д. Но в составе народа чжуан также признается существование подразделений с самоназваниями «бучжуан», «буай», «бунун», «бутай»<sup>71</sup>. Вряд ли после этого следует удивляться тому, что языковые различия внутри группы «буай», населяющей юг Гуйчжоу и север Гуанси и оказавшейся разделенной на две части, менее значительны, чем в сравнении с другими группами.

Итак, результаты этнографических и лингвистических исследований, проводившихся китайскими учеными на протяжении последних 30 с лишним лет, подтверждают, что по крайней мере в пределах групп близкородственных народов границы основных таксонов этноса и языка совпадают. Языковой материал, привлекаемый для построения этнолингвистической классификации, обладает тем бесспорным преимуществом, что он дает возможность измерить типологическую дистанцию между этими таксонами в объективно исчисляемых единицах (например, в процентном соотношении лексических сходжений). Другие признаки этноса (черты материальной и духовной культуры, например) в принципе не поддаются подобному измерению. Кроме того, черты материальной культуры соотносятся с определенным этносом не так четко, как язык. Поэтому классификация элементов культуры дает в конечном итоге совершенно иную систему — хозяйственно-культурные типы, ареалы которых вообще не совпадают с этническими границами.

Для выявления таксономии этнических общностей и главным образом для определения основных ее подразделений — этносов (народов) решающее значение имеет такой признак этноса, как этническое самосознание, проявляющееся в общем самоназвании. Закономерно, что ареалы самоназваний достаточно точно совпадают с ареалами тех лингвистических таксонов, в пределах которых высокая доля общей лексики (более 50%) обеспечивает коммуникативную функцию языка.

Многие общие и частные проблемы таксономии этнических общностей в Китае еще ждут своего решения. Отражением этого является тот факт, что работа по определению этнического состава населения страны еще отнюдь не завершена<sup>72</sup>. По сло-

<sup>67</sup> Краткая история народа яо. Напхнин, 1983. С. 11.

<sup>68</sup> Мао Цзунъю, Мэн Чаоцзи, Чжэн Цзунцзе. Указ. раб. С. 162—170.

<sup>69</sup> Ма Сюэлян, Дай Цинся. Язык и этнос. С. 12.

<sup>70</sup> Фэй Сяотун. Поддерживая идею комплексного обследования народов бассейна шести рек//Миньцзу сюэбао. 1982. № 2. С. 2.

<sup>71</sup> Национальные меньшинства Китая. С. 500.

<sup>72</sup> Линь Яохуа. Определение этнического состава населения юго-запада Китая. С. 5.

вам Гу Сюэцзиня, «сейчас никто не может взять на себя смелость утверждать, что в Китае действительно проживает только 56 народов»<sup>73</sup>. И главной проблемой в этом отношении по-прежнему остается соотношение между этносом и субэтническим подразделением. «Анализ и сравнительное изучение объективно существующих групп внутри этноса будет способствовать уяснению длительного исторического процесса этнической дифференциации и ассимиляции, что открывает путь к пониманию закономерностей развития этноса»<sup>74</sup> — с этим выводом одного из ведущих китайских этнографов Ян Куня вполне можно согласиться.

<sup>73</sup> Гу Сюэцзинь. Указ. раб. С. 102.

<sup>74</sup> Ян Кунь. Этноты и субэтнические подразделения. С. 85.

## С. Г. Чантуришвили

### ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ДРЕВНИХ ГРУЗИНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ХРОНИК

(Новейшие издания в русском переводе хроник  
из свода грузинских летописей) \*

«Картлис цховреба»<sup>1</sup> является одним из важнейших письменных источников для древней и средневековой истории не одной только Грузии, но и Кавказа в целом, а также примыкающих к нему обширных регионов — Южной России и Передней Азии. В ней мы находим сведения и об их социальной и этнокультурной истории, об этнических процессах, протекавших в различных формах и направлениях. Эта сторона «Картлис цховреба» до сих пор исчерпывающе не исследована.

Необходимость использования свода «Картлис цховреба» для воссоздания исторического прошлого народов Кавказа признавалась всегда. Но тут же возникали непреодолимые препятствия, главные из которых — языковой барьер и отсутствие в прошлом сколько-нибудь удовлетворительного, критически осмысленного текста при наличии многочисленных списков свода. Впервые «Картлис цховреба» был переведен на французский язык грузиноведом — академиком М. И. Броссе<sup>2</sup>. Вплоть до последнего времени это было единственное, давно ставшее библиографической редкостью издание, которым пользовались исследователи, не владевшие древнегрузинским языком. Недостатком издания М. И. Броссе было то, что перевод осуществлен на основе позднейших списков свода, составленных не ранее XVIII в., без учета списков XV—XVII вв.

Широкому кругу русских исследователей «Картлис цховреба» стал доступен по публикациям М. Джанашивили (конец XIX в.).<sup>3</sup> В предисловии к «Жизни картлийских царей» Г. В. Цулая пишет, что «работа Джанашивили сыграла в свое время положительную роль в деле ознакомления широких масс читателей с содержанием древнегрузинских источников... Однако фрагментарность, слабая комментированность переводов (в значительной части пересказов), к тому же осуществленных по критически непроверенному оригиналу, значительно снижали научную ценность работы М. Джанашивили, и исследователи обращались к ней в редких случаях» (I, с. 14). Только в советское время благодаря усилиям целого ряда историков стало возможным всестороннее изучение «Картлис цховреба».

\* Картлис цховреба (История Грузии). I. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана/Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарий Цулая Г. В. М., 1979. 102 с.; II. Летопись Картли/Перевод, введение и примечания Цулая Г. В. Тбилиси, 1982. 112 с.; III. Джуаншер Джуаншеряни. Жизнь Вахтанга Горгасала/Перевод введение и примечания Цулая Г. В. Тбилиси, 1986. 150 с. В дальнейшем ссылки даются в тексте с указанием номеров работ и страниц.

<sup>1</sup> Картлис цховреба (История Грузии)/Грузинский текст, установленный по всем основным рукописям С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955. Т. I.

<sup>2</sup> Brosset M. Histoire de la Géorgie. SPb., 1849. Т. I.

<sup>3</sup> См. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России// Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. XXII.